

ЛЕВ ПРОЗОРОВ

**РУСЬ,
крещенная
КРОВЬЮ**

**Нашествие
НОВОЙ
веры**

«ЯУЗА-ПРЕСС»
МОСКВА
2014

УДК 323
ББК 66.3
П 79

Художник *Иван Хивренко*

Прозоров, Лев Рудольфович.

П 79 Русь, крещенная кровью. Нашествие новой веры / Лев Прозоров. — Москва : Яуза-пресс, 2014. — 352 с. — (Запрещенная Русь).

ISBN 978-5-9955-0760-4

ВОСЬМОЕ ИЗДАНИЕ бестселлера, открывшего глаза на самую долгую и жестокую войну в нашей истории.

Эта книга доказывает: вопреки церковным мифам, Крещение Руси не было ни добровольным, ни бескровным – Русский народ, не желавший отречься от отеческих богов, пришлось крестить огнем и мечом, утопив в крови великую языческую цивилизацию.

Это – запретная правда о нашествии новой веры и 1000-летней войне церковников против собственного народа (знаете ли вы, что последние русские язычники с оружием в руках поднялись против штыков крестителей уже в «галантном» XVIII веке?!).

Это – дань светлой памяти наших великих предков, которые предпочитали погибать стоя, чем жить на коленях, и бросали в лицо карателям: «Мы не «рабы», а внуки божьи!» и «Лучше нам умереть, чем отдать богов наших на поругание!»

УДК 323
ББК 66.3

ISBN 978-5-9955-0760-4 © Оформление. ООО «Яуза-пресс», 2014

Авторское предуведомление

Данная книга не является попыткой полемики с христианством.

Написанная убеждённым язычником, она, однако, и не является попыткой проповеди (явления, язычеству совершенно чуждого) или доказательства правоты Русской Веры — такие вещи на словах не доказываются.

Автор отлично понимает, что сам факт перенесённых гонений не может доказать ничью правоту.

Те же христиане подвергались в различное время гонениям — от римских язычников, от мусульман, от коммунистов и нацистов, наконец — пожалуй, самым тяжёлым и страшным — друг от друга, точнее, от христиан же других церквей и направлений.

Предлагаемый вашему, читатель, вниманию труд не религиозный, а **исторический**. Его цель — дать взгляд глазами язычника на восемь веков существования приверженцев исконной веры славян в крещёной стране, на историю Руси этого времени.

Если автор опровергает какие-то сведения христианских источников — он делает это не только как язычник, но и как историк.

Если кому-то написанное здесь покажется оскорблением его религиозных чувств — что ж делать, значит, чувства, которые он считал религиозными, связаны с ложью — с возвеличиванием недостойных, с клеветой на невинных.

За это автор не несёт и не может нести никакой ответственности.

Цель автора и как историка, и как язычника — вос-

становить, в меру данных ему Богами сил, **правду**
о Предках.

Вам — погибшим геройски за Веру Отцов,
Вам — хранившим преданья седой старины,
Смертным — видевшим гибель бессмертных Богов,
Тем, что в Сваргу Златую за ними ушли, —
Вовек Слава!
Вам — воителям ярим минувших времён,
Вам — рахманов-волхвов синеглазым сынам,
Вам — носителям древних священных имён,
Ненавистных дорвавшимся к власти рабам, —
Вовек Слава!
Вам — позора не снёсшим родимой земли,
Когда глупое стадо погнало к реке,
Вам — бесстрашно пошедшим на смерть, на мечи,
Чужебесие кровью смывая своей, —
Вовек Слава!
Вовек Слава!
Вовек Слава!

Велеслав

«Лучше нам помереть, чем отдать Богов наших на поругание!»

*Угоняй,
тысяцкий Новгородский, 989 г.*

«Тьма, пришедшая со стороны Средиземного моря...»

М.А. Булгаков

Вместо предисловия

Русские в такой степени сблизили своё христианство с язычеством, что трудно было бы сказать, что преобладало в образовавшейся смеси — христианство ли, принявшее в себя языческие начала, или язычество, поглотившее христианское вероучение.

Кардинал д'Эли, XV век

Кто поставит крест на могилы нам? Инок да шаман...

Всевед «Родная»

Написано немало книг о том, как много языческого осталось в так называемом «русском православии».

Эта книга не про такие явления, не про языческие по сути обряды, совершавшиеся людьми, искренне полагавшими себя христианами, не про то, как крещёные русичи, включая «попов и книжников», резали петухов Перуну и Хорсу и с лёгким сердцем величали православных мучеников Флора и Лавра «лошадиными Богами».

Эта книга про тех, кто сознательно оставался верным Вере Предков в крещёной уже Руси. Тех, кто не испугался грозного предупреждения Владимира Отступника: «А кто не придёт [креститься], будь богат,

или нищ, или раб — будет мне враг». Тех, кто до последнего отказывался принять чужеземного бога.

Иначе говоря, не про двоеверцев, а про язычников.

Поэтому необходимо будет хорошо разобраться в крайне непростом вопросе: что такое язычество, что — двоеверие, а что — христианство. Как видим, это даже не один вопрос, а связка вопросов, более чем непростых. Но без ответа на них мы попросту запутаемся в теме.

Строго говоря, вряд ли были на Руси люди, называвшие себя язычниками — по крайней мере до конца XX века, когда, будто опята после слепого дождя, рассыпались по Русской земле общины людей, возрождающих Родную Веру.

Сами предки не чувствовали необходимости как-то по-особенному себя называть. Человек русского рода — и вера у него русская, какая ещё?

В договоре Олега Вещего с Византией, что помещен в «Повести временных лет» под 912 годом, так и сказано — «русин или христианин». То есть одно из двух.

Впоследствии, во времена, про которые в основном пойдёт речь в этой книге, появилась необходимость как-то определять себя, отделять от крещёных соотечественников. Наверно, появилось и самоназвание, только какое — нам уже не узнать.

Точно можно сказать, что христианское «поганные» почитатели русских Богов к себе не прилагали. «Погаными» они стали называть иноплеменников.

Возможно, хотя и маловероятно, что позднее, уже в московские времена, появившееся слово «язычники» как раз и было этим самоназванием, но доказательств этому нет.

Что же такое язычество?

Уверен, что большинство читателей ответят на

этот вопрос так: язычество — это поклонение множеству Богов вместо одного, единого.

Но, во-первых, кто объяснит мне, чем город Ижевск, в котором из трёх больших церквей одна посвящена Богородице, другая — святому Александру Невскому и лишь одна — Троице, триединому богу христиан (тоже само по себе неплохо — не то он единый, не то трое их), так уж отличается от какого-нибудь античного захолустья с храмами, соответственно, Девы Афины, Геркулеса и Зевса Олимпийского?

А во-вторых, есть достаточно свидетельств, что о едином Божестве язычники имели ясное представление ещё в те времена, когда Авраама, не говоря уже про Христа и Мухаммеда, не было даже в проекте.

Например, в одном из гимнов Вед сказано — «есть лишь Один, которого мудрые называют Индрой, Агни и многими другими именами».

Между прочим, в комментарии к Ведам упоминается расположение созвездий, относимое точной наукой астрономией ко временам за десять тысяч лет до Рождества Христова. Излишне, наверно, напоминать, что в эти годы, по библейской хронологии, не был создан даже Адам!

Другие читатели, а возможно — и те же самые, могут заметить, что отличительным признаком язычества является поклонение идолам.

Тут тоже всё не просто, при желании можно списать на идолопоклонство (и списывали ведь!) и Чёрный камень Каабы, святыню ислама, и уж тем более бесчисленные кресты, иконы и мощи христианства.

И не надо говорить, что язычники не делали разницы между изображением и предметом поклонения. Прекрасно они осознавали эту разницу, иначе каждый идол имел бы только своё имя и только свой круг поклонников.

В то время как те же греки отлично понимали, что

статуя Афины в афинском Акрополе и, скажем, в Спарте изображает одно и то же Божество и вознесённые к ним молитвы дойдут по одному «адресу».

Более того, греки уверенно писали, что египтяне поклоняются Аресу в виде сокола, а скифы — в образе меча, то есть даже в иноплеменных кумирах опознавали своих Олимпийцев, полагая, что по небу границы не проходят.

То же было и у скандинавов, видевших в финской стране Биармии «капища Тора». И у римлянина Цезаря, писавшего, что галлы поклоняются Юпитеру, Аполлону, Марсу, Меркурию и Венере, и римлянина Тацита, сообщающего, что германцы поклоняются Сатурну, Марсу и Геркулесу.

Основное качество язычников, отличающее их от тех, кто, собственно, и создал это определение, в том, что они почитают Природу, мир, не в корне отличной от «Творца» тварью, а Божьим проявлением, если можно так выразиться, телом Божьим.

В науке это воззрение называется «манифестационизм», от латинского «манифестаций» — проявлять, показывать.

Собственно, это мнение большинства населения земного шара, за исключением последователей трёх вер, гордо отгородивших от себя остальное человечество презрительным словом «язычники».

Эти религии — иудаизм, христианство, ислам — называют иногда авраамическими. Ибо все их последователи верят, что некогда единый бог, творец вселенной, поведал их (именно их) веру праотцу евреев и арабов Аврахаму — или, соответственно, Аврааму, Ибрагиму.

Любопытно, кстати, что на санскрите, языке Вед, Аврахам означает безбожник, нечестивец.

Эти религии утверждают, что Бог отделён от мира, что мир есть его, совершенно отличная и отдельная от него, «тварь», творение.

Это представление называется «креационизмом», от латинского же «креацио» — творить.

Понятно, отдельный от мира бог имеет полное право выделить в сотворённом мире своих любимчиков, как автор — любимого героя, и усиленно «помогать» им. Отсюда — тема избранного народа.

А единственная, в принципе внеположная «тварному» миру истина требует строгой фиксации в «Священных Писаниях».

Отсюда же, от отрицания языческого единства Бога и мира, отрицательное отношение к изображению Божества, «идолам», и отрицание более частных проявлений, «детей» и «внуков» Единого, младших Богов, то есть «многобожия».

Христианство стоит здесь несколько наособицу, позволяя своим недоброжелательным «родственникам», в особенности из числа иудеев, обвинять христиан в «язычестве».

Христиане верят, что Бог воплощался и этим чудесным фактом освящена плоть, освящён тварный мир. Именно поэтому среди языческих народов христианство прижилось больше, чем ислам и тем более иудаизм.

Но при всём том христианство есть авраамическая религия со всеми типичными её признаками.

Не зря Христос говорил об учении своих иудейских предшественников (и предков в своей земной, человеческой составляющей): «не нарушить пришёл я, но исполнить, ибо истинно говорю вам, доколе не прейдёт земля и небо, ни одна йота или ни одна черта не прейдёт из закона» (Мф. 5:17-18).

Мир так и остаётся «тварью», Бог — «Творцом», многобожие и идолопоклонство — грехом.

А вот определение того, что есть двоеверие, — дело гораздо более сложное, и не зря в последнее время многие исследователи пытаются отменить этот

термин, подменить его каким-то «народным христианством», «народным православием».

Честно говоря, пишущий эти строки совершенно не понимает, что такое «народное христианство».

Язычники, как уже было сказано, чтят языческих Богов и творят Их волю, христиане живут или пытаются жить по заветам Христа (и у тех, и у других это не всегда получается, но тут уж другой разговор).

Но вот о боге по имени «Народный Христос» автору ничего не известно.

Очевидно, говорящие о «народном христианстве» воспринимают любую религию как чисто «культурное явление», человеческую выдумку.

Христианство для них — некая собственность исповедующих его людей, дополнять и изменять его на свой вкус — их полное право. Я, мол, христианин, мне и решать — что христианство, а что нет.

«Крестьяне были христианами, а не двоеверцами, — их сословное самоназвание... говорит само за себя», — каламбурит В.Я. Петрухин. Вот именно, «само за себя» и ни за что более.

Тушинский вор говорил «сам за себя», что является царевичем Дмитрием, сыном Ивана Грозного. Такое у него было «самоназвание» или, как сейчас модно говорить, самоопределение.

Если отнести к христианству, к религии вообще, чуть посерьёзнее, то согласиться с такими доводами никак невозможно. Религия, religio — означает «связь». На одном конце «связи», понятно, человек, но вот важнейший вопрос — Кто на другом?

И если религиозные правила, обряды, заповеди не «выдумка тунеядцев-попов», а воля именно Того (или Тех), Кто «на том конце» связи-религии, то принадлежность к язычеству или христианству дело не субъективное, а объективное.

По Чьей воле, по Чьим заветам ты живёшь? Соот-

ветствуешь ли, имеешь ли право претендовать на имя представителя той или иной религии?

Поэтому термин «двоеверие», введённый сердитыми монахами русского Средневековья для своих современников, нечем заменить.

Потому что если верования и обычаи русской деревни до начала XX века включительно — христианство, значит, надо придумать какое-то другое название для того, чему учили и учат церковь, Библия и Христос.

Христианство говорит: «Бог — один». Об этом твердят многочисленные пророки, первая заповедь Моисея («не убий», кстати, шестая), первая строка символа веры православных — молитвы «Верую».

Русский мужик простодушно называл Богами множество православных-святых: «Егорий — скотий Бог, Власий — коровий Бог, Василий Кесарийский — свиной Бог, Мамант — овечий Бог, Козьма да Демьян — куриные Боги, Зосима и Савватий — пчелиные Боги» (про «конских Богов» Флора и Лавра мы уже говорили), самым же чтимым из этих «Богов» был «мужицкий Бог, русский Бог» — святой Никола.

Доходило до очень устойчивого и распространённого мнения, что «когда Бог умрёт (!!!), Никола Богом будет», до священников, не имевших понятия об Иисусе и полагавших, что Бога зовут Николой.

Англичанин Дженкинсон писал в середине XVI века про русских людей: «Многие, большая часть бедняков, на вопрос «сколько Богов?» — ответила бы «очень много», так как они считают всякий имеющийся у них образ за Бога».

Так и было, ибо в нарушение строжайших библейских запретов («Не сотвори себе кумира!») и церковных поучений русские крестьяне не относились к своим образам, как к «книге для неграмотных» (Иоанн Дамаскин), а видели в них волшебных живых существ, которых зачастую и впрямь называли Богами.

Образа «кормили», им делали подарки, для них — а то и для стоявших на перепутье крестов — шили особую одежду в подарок, а при упорном неисполнении молитв могли и, наоборот, наказать кнутом.

Наряду с этим продолжали чтить и настоящих идолов. В XVIII веке под Архангельском в лесу стоял почитавшийся крестьянами идол лешего, в 1920-е годы в курятнике одного из подмосковных (!) сёл этнографы нашли идол куриного Бога Боглаза, в северных деревнях на посиделках молились то глиняной «Масленице», то деревянной «тёте Ане», которой кланялись с приговором, целовали в губы и наряжали.

Есть ещё один пример, самый, пожалуй, занимательный, но его я оставляю для послесловия.

Вопреки христианскому учению, строжайшим образом разграничивающему «Творца» и «тварь», русские крестьяне никак не воспринимали учение о сотворении мира.

Популярнейший духовный стих «Голубиная книга», бывший для «большинства бедняков» — и не только их — основным источником сведений о мироустройстве, не знает слов «создан, сотворён».

Все явления мира и общества «взялись», «стали», «пошли», наконец, «зачались» от лица, груди, очей, дыхания и проч. Бога. Мир, Природа не «тварь Божья», но Его тело.

Точно так же в записанном Глебом Успенским «Верую» в исполнении русского мужика бесследно выпадает всякий намёк на Сотворение: «Верую во Единого Бога Отца (...) и в небо и в землю. Видимо-невидимо, слышимо-неслышимо...» вместо «сотворившего небо и землю, видимым же всем творец и невидимым».

У Достоевского монашенка — личность, отрёкшаяся от мира для Христа, «живой мертвец»! — заявляет, что Богородица — это земля, а в этнографических материалах есть суровый запрет на битвьё

земли палками: «Бьют саму Мать Пресвятую Богородицу!» — так что Фёдор Михайлович, очевидно, ничего не выдумывал.

В заговорах древнее именование Земли сливается с новой святыней в неразличимое единство: «Мать Сырая Богородица».

Итак, Земля не мёртвая, бездушная «тварь» — но Тело Божества.

Что было христианского в почитании крестьянами пророка Ильи или великомученицы Параскевы?

Кого из их деревенских почитателей волновали земные дела древнееврейского фанатика единобожия и римской первохристианки, их служение «Богу Авраама, Исаака и Иакова»? Да никого.

Иной мужичок из какого-нибудь Ильинского прихода ещё и обиделся бы смертно, скажи ему кто, что Илья-пророк был иудеем.

Здесь и сейчас нёсся в огненной колеснице по небесам некто по имени Илья, гоня туда или сюда грозовые тучи, посылая дождь на поля, поражая громовыми стрелами нечисть или неправедных, а то и просто непочтительных к нему людей, и чтили его не за давние заслуги перед «богом Израиля», а за дождь, за защиту от тёмной силы — здесь и сейчас!

Здесь и сейчас некто по имени Параскева пряла людские судьбы, отверзала источники, наказывала нерадивых хозяек, помогала при родах, следила за почитанием её дня — пятницы.

Илью чтили забитым на Ильин день, в складчину откормленным бычком и буйной пляской — «попляшу святому Илье!».

Параскеве ставили деревянные изваяния на распутьях, у колодцев и родников, жертвовали клочки пряжи, волосы, полотенца. И место этих святых в жизни русской деревни, и их почитание не были христианскими. Христианскими были только их имена.